

Радикальная ортодоксия как ответ на вызовы постмодерна и модернизма

Шноль Я. Д.

В статье рассматривается движение «радикальная ортодоксия» как значимый феномен современной богословской мысли, возникший в англоязычной академической среде в конце 1990-х годов. Цель работы — проанализировать основные положения и программу радикальной ортодоксии, выявить причины её популярности и оценить её место в контексте постсекулярного сдвига. Методология опирается на анализ первоисточников (работы Дж. Милбанка, К. Пиксток, Г. Уорда) и современных исследований, в том числе диссертаций и обзорных статей, с использованием подходов интеллектуальной истории и сравнительного анализа. В статье раскрыты шесть ключевых концептов движения (партиципация, отрицание секулярного дуализма, бытие-дар, познание как предвосхищение, социальное измерение спасения, аналогия бытия), а также его социально-политическая программа (критика секуляризации, христианский социализм, социальная ответственность, взаимосвязь теологии и политики). Показано, что радикальная ортодоксия сочетает полемику с модернизмом и постмодернизмом с попыткой предложить целостное богословское мировоззрение, укоренённое в традиции. Новизна исследования заключается в выявлении определённого сходства радикальной ортодоксии и христианского модернизма как реакций на вызовы эпохи при принципиально разных стратегиях ответа. Автор приходит к выводу, что популярность радикальной ортодоксии отражает общий культурный тренд на поиск цельных мировоззрений, соединяющих веру, разум и социальную практику.

Ключевые слова: христианство, секуляризация, радикальная ортодоксия, модернизм, постмодернизм, теология.

Шноль Яков Дмитриевич — аспирант, кафедра Истории Церкви исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. ORCID: 0009-0000-3397-8441.

Автор, ответственный за переписку (Corresponding author): shnolyd@my.msu.ru

Radical Orthodoxy as a response to the challenges of postmodernism and Modernism

Iakov D. Shnol

The article examines the movement known as “Radical Orthodoxy” as a significant phenomenon of contemporary theological thought that emerged in the English-speaking academic context in the late 1990s. The aim of the study is to analyze the core tenets and program of Radical Orthodoxy, identify the reasons for its popularity, and assess its place within the broader post-secular shift. The methodology draws on primary sources (works by J. Milbank, C. Pickstock, G. Ward) and contemporary scholarship, including dissertations and overview articles, applying approaches from intellectual history and comparative analysis. The article outlines six key concepts of the movement (participation, rejection of secular dualism, being as gift, knowledge as anticipation, the social dimension of salvation, the analogy of being) and its socio-political agenda (critique of secularization, Christian socialism, social responsibility, the interrelation of theology and politics). It is shown that Radical Orthodoxy combines a polemic against both modernism and postmodernism with an attempt to propose a comprehensive theological worldview rooted in tradition. The novelty of the research lies in identifying the certain similarity between Radical Orthodoxy and Christian modernism as responses to the challenges of their respective eras, despite fundamentally different strategies. The author concludes that the popularity of Radical Orthodoxy reflects a broader cultural trend towards seeking integrated worldviews that unite faith, reason, and social practice.

Keywords: Christianity, secularization, radical orthodoxy, modernism, postmodernism, theology.

Relationships and Activities: none.

Iakov D. Shnol — postgraduate student, Department of Church History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. ORCID: 0009-0000-3397-8441.

Corresponding author: shnolyd@my.msu.ru

Радикальная ортодоксия — англоязычное богословско-философское движение, возникшее в конце 1990-х годов в Кембриджском университете благодаря деятельности профессора Джона Милбанка, его докторантки Кэтрин Пиксток и теолога Грэма Уорда. Первым и главным текстом, который знаменует собой начало этого движения, считается монография Д. Милбанка *Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason* (1990)¹, а само название «Radical Orthodoxy» впервые появилось в заголовке сборника статей *Radical Orthodoxy: A New Theology*² (1999), под редакцией Д. Милбанка, Г. Уорда и К. Пиксток. Название этого сборника выражает главную идею этого движения: истинная радикальность современной христианской мысли находится не в свободомыслии, а в возвращении к ортодоксальной традиции с её подлинной глубиной, в отличие от так называемой «радикальной теологии», которая часто отрицает догматику. Таким образом авторы радикальной ортодоксии сразу противопоставили свой подход наиболее популярному в XX веке теологическому течению³.

С момента публикаций в начале 1990-х и особенно после выхода коллективного тома 1999 года, движение привлекло значительное внимание интеллектуалов: как теологов, так и философов, политологов и культурологов. Уже в начале 2000-х годов были опубликованы десятки книг и сотни статей как сторонников, так и критиков радикальной ортодоксии⁴.

Главная миссия радикальной ортодоксии — предложить целостное мировоззрение в постсекулярной эпохе, в центре которого находится христианская теология, охватывающая философию, эстетику, политику, социологию и культуру. Авторы заявляют, что целью радикальной ортодоксии является «возможность снова добиться места в этом мире, поместив его проблемы и деятельность в теологическую рамку. «Не просто возвращаясь с ностальгией к домодерну, но поработав с темами, в которые секуляризм вложил много сил — эстетику, политику, секс, тело, личность, видимость, пространство — и переосмыслив их с христианской точки зрения, то есть с точки зрения Троицы, христологии, Церкви и Евхаристии»⁵ — это цитата из введения к сборнику эссе, опубликованном в 1999 г., Д. Милбанк утверждает, что «христианство возродится, только если будет стараться всё заново переосмыслить»⁶, подчёркивая необходимость глубокой реконструкции современного мышления на богословской основе.

Таким образом, радикальная ортодоксия представляет из себя значительный современный интеллектуальный феномен, претендующий на конструирование целостного мировоззрения на богословской основе.

Цель статьи — проанализировать основные положения радикальной ортодоксии, выявить причины, по которым она привлекает к себе столь значительный интерес, а также дать оценку этому явлению в контексте исследования развития христианского учения.

¹ Milbank, J. (1990). *Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason*. Blackwell Publishing, 488 p.

² *Radical Orthodoxy: A New Theology* (1999). Ed(s). John Milbank, Catherine Pickstock, Graham Ward. Routledge Taylor&Francis group. Routledge, 300 p.

³ Пожалуй, единственной значительной теологией XX в., не вписывающейся в тренд «либеральной теологии», можно считать диалектическую теологию Карла Барта.

⁴ *Radical Orthodoxy: A Select Bibliography*. James K.A. Smith with Shannon Schutt Nason. https://www.academia.edu/69285308/Radical_Orthodoxy_A_Select_Bibliography

⁵ *Radical Orthodoxy: A New Theology* (1999)., 3.

⁶ Милбанк, Д. (2013). «Христианство возродится только в том случае, если будет стараться все заново переосмыслить по-христиански...». *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 3 (31), 285-290.

Богословие радикальной ортодоксии строится на ряде принципов, сочетание которых её авторы понимают как возвращение к до-модерной, преимущественно августиновской и неоплатонической, парадигме мышления, но в полемике с секулярной культурой. Эти принципы взаимосвязаны, образуя цельную систему, направленную на переосмысление роли теологии в постсекулярном мире⁷. Эти принципы можно свести к шести положениям:

1. Партиципация. Центральное для радикальной ортодоксии понятие, восходит к платонизму и его христианской интерпретации. В основе этого положения лежит идея о невозможности познать и понять мир и человека автономно, исключив их из участия в Божественном бытии. Человек и мир не существуют автономно, а имеют постоянным источником своего бытия Бога. Д. Милбанк утверждает: «Бытие есть всегда дар, и дар этот состоит в участии во всеобъемлющей жизни Троицы»⁸. Партиципация — не метафора, а онтологическая реальность: мир и человек сопричастны Божественному, и именно в этой сопричастности обретает смысл познание, этика и культура. В условиях постсекулярности этот тезис становится антитезой модернистской автономии субъекта⁹.

2. Отрицание секулярного дуализма. Радикальная ортодоксия отвергает модернистское разделение на «сакральное» и «профанное», «веру» и «знание», видя в этом историческое искажение христианской картины мира. В программной статье *Theology and Social Theory* Д. Милбанк прямо заявляет: «Секуляризм — это всего лишь одна из христианских ересей»¹⁰. Для радикальной ортодоксии любая сфера жизни (политика, искусство, экономика) не является «нейтральной» и должна быть осмыслена в свете богословия. Таким образом, секуляризм воспринимается не как естественный результат развития, а как теологическая девиация.

3. Бытие как дар. Концепция *being-as-gift* тесно связана с партиципацией: всё существующее не просто сотворено Богом, но непрерывно поддерживается Им как актом щедрого дарения. Д. Милбанк пишет: «Всякая реальность изначально есть событие дара, а не автономного происхождения»¹¹. Это резко контрастирует с модернистскими теориями, где бытие мыслится как самодостаточное. На этом положении, в частности, основывается критика экономического утилитаризма, в котором исчезает категория дара, заменяемая расчётом.

4. Познание как предвосхищение. Для авторов радикальной ортодоксии истинное знание не есть сумма эмпирических фактов, а акт устремлённости ума к истине, которая в полной мере откроется лишь в эсхатологической перспективе. Всякое знание с точки зрения радикальной ортодоксии есть «предвкушение» полноты Божественного откровения¹². Это делает возможным соединение интеллектуального поиска с литургическим опытом: познание неразрывно связано с участием в церковной жизни и «чаянием жизни будущего века».

5. Социальное измерение спасения. Радикальная ортодоксия отвергает узко индивидуалистическое понимание спасения, видя его как восстановление

⁷ Щипков, Д.А. (2004). *"Радикальная Ортодоксия": Критический анализ*. Дис. канд филос., СПб, с.190.

⁸ Milbank, J. (2003). *Being reconciled. Ontology and pardon*. Routledge Taylor&Francis group. Routledge, p. 94.

⁹ Щипков, Д.А. (2004)., 145-148.

¹⁰ Milbank, J. (1990)., p. 9.

¹¹ Milnank, J. (1997). *The Word Made Strange: Theology, Language and Culture*. Wiley-Blackwell, p 125.

¹² Pickstock, C. (1997). *After Writing: On the Liturgical Cosumption of Philosophy*. Malden, Mass.: Wiley-Blackwell. p. 256.

правильных, «евхаристических» отношений в общине и обществе. В эссе *The World in a Wafer* В. Т. Кавано (один из авторов радикальной ортодоксии) утверждает: «Евхаристия формирует нас как народ, альтернативный народу нации-государства»¹³. Таким образом, спасение мыслится не только в терминах личного благочестия, но и как преобразование социальной ткани через христианскую общинность.

6. Аналогия бытия (*analogia entis*). Следуя томистской традиции, авторы радикальной ортодоксии утверждают, что между Богом и творением существует не тождество и не полное различие, а аналогия — подобие в бытии, которое делает возможным богословие как разумный дискурс о Боге. Лоуренс Пол Хэмминг пишет: «Для радикальной ортодоксии аналогия бытия — не только метафизический принцип, но и условие всякой теологии»¹⁴.

Таким образом, богословие радикальной ортодоксии не является набором отдельных тезисов, а напротив, представляет из себя целостную систему, в которой все ключевые концепции образуют взаимосвязанную систему. Эта система призвана разрушить барьеры между теологией и остальными сферами жизни, вернуть богословию статус «первой философии» и предложить христианскую альтернативу секулярному модернизму.

Более того, радикальная ортодоксия претендует на роль проекта культурного и социального преобразования, имеющего и явное политическое измерение. Авторы движения настаивают на том, что теология не может ограничиваться сферой индивидуальной веры или абстрактных догматических формул: она должна стать основанием для критики современного общества и выработки альтернативных социальных практик. В условиях постсекулярного сдвига радикальная ортодоксия стремится восстановить «теологическую рамку» для всех сфер жизни, включая политику и экономику¹⁵.

Вот основные положения этого проекта:

Критика секуляризации. Центральная задача радикальной ортодоксии — разоблачить секуляризм как продукт искажённого развития западной христианской мысли. Д. Милбанк пишет: «Секуляризм — это не самостоятельное явление, но следствие отказа христианства от своих собственных интеллектуальных ресурсов»¹⁶. Радикальная ортодоксия видит в секуляризации не нейтральный прогресс, а ересь в том смысле, что она выросла из христианского контекста, но отвергла его центр. Поэтому их программа предполагает возвращение теологии в публичное пространство как легитимного участника политического и культурного диалога.

Христианский социализм. В политико-экономической плоскости радикальная ортодоксия предлагает восстановить общинные формы хозяйствования и социальной взаимопомощи, вдохновлённые христианским пониманием справедливости. Д. Милбанк, наблюдая в либеральном капитализме продолжение секулярного индивидуализма, предлагает альтернативу — модель, где экономика строится на принципах дара, кооперации и взаимной ответственности¹⁷, что

¹³ Cavanaugh, W.T. (1999). *The World in a Wafer: A Geography of the Eucharist as Resistance to Globalization*. *Modern Theology*, 15(4), 187. doi:10.1111/1468-0025.00093.

¹⁴ Hemming, L.P. (2004). *Analogia non Entis sed Entitatis: The Ontological Consequences of the Doctrine of Analogy*. *International Journal of Systematic Theology*, 6(2.):118-28. doi:10.1111/j.1468-2400.2004.00124.x.

¹⁵ Щипков, Д.А. (2004)., 173-177.

¹⁶ Milbank, J. (1990)., 9.

¹⁷ Milbank, J. (2003)., 128-130.

закономерно вытекает из богословских положений радикальной ортодоксии (бытие-дар, партиципация).

Социальная ответственность. Для радикальной ортодоксии христианин ответственен не только за личную моральную жизнь, но и за состояние общества. Кавано пишет, что Евхаристия «не просто таинство личного благочестия, а акт, формирующий новый общественный порядок»¹⁸. Таким образом, участие в литургии становится моделью социальных отношений, основанных на даре, а не на обмене; на общинности, а не на конкуренции. В этом радикальная ортодоксия видит в этом противоядие от атомизации и фрагментации постмодерного общества, следствием которых являются психологическое неблагополучие, социальное бессилие и политическая вседозволенность.

Взаимосвязь теологии и политики. Программа радикальной ортодоксии предполагает, что политика не может быть «нейтральной» или ценностно-пустой. Д. Милбанк утверждает, что «вся политика в конечном счёте является теологией, пусть и в искажённой форме»¹⁹. Поэтому задача христианских мыслителей — предложить богословски обоснованную политику, которая бы переопределяла ключевые понятия — справедливости, свободы, общинности — в свете христианской традиции. В этом смысле радикальная ортодоксия позиционирует себя как альтернатива как либеральному секуляризму, так и авторитарным формам клерикализма.

В совокупности эти направления образуют программу, которую можно охарактеризовать как попытку «ресакрализации» общественной жизни. Для Д. Милбанка и его коллег это не возвращение к прошлому, а создание новых форм жизни, в которых политика, экономика, культура и искусство интегрированы в христианское мировоззрение. Исследователи справедливо отмечают, что тем самым радикальная ортодоксия предлагает «постсекулярный проект», который не отвергает модерн полностью, но стремится преобразовать его изнутри, переориентировав на богословские основания²⁰.

Несмотря на значительное влияние и оригинальность, радикальная ортодоксия вызвала оживлённую дискуссию и критику как среди сторонников традиционного богословия, так и со стороны более либеральных или модернистских теологов. Критика затрагивает как методологические основы движения, так и его претензии на глобальную значимость.

Одно из частых возражений в адрес радикальной ортодоксии связано с тем, как она трактует христианскую традицию. Д. Милбанк и его коллеги нередко представляют собственную интерпретацию августиновской, томистской и неоплатонической мысли как «подлинную» и изначально правильную, в противоположность «искажениям» модерна. Однако критики указывают, что это выборочное чтение источников, которое игнорирует внутреннее многообразие и историческую эволюцию традиции²¹. Д. А. Щипков замечает, что, хотя радикальная ортодоксия апеллирует к «всеобъемлющей» традиции, на деле она склонна опираться на узкий корпус авторов и концепций²².

Помимо этого, критики указывают на тот факт, что радикальная ортодоксия резко критикует глобализацию как продолжение секулярного, постколониального и капиталистического проекта. При этом её сторонники предлагают собственный

¹⁸ Cavanaugh, W.T. (1999)., 188.

¹⁹ Milbank, J. (1990)., 382.

²⁰ Щипков, Д.А. (2004)., 63.

²¹ Reno, R. R. (2000). The Radical Orthodoxy Project, In *First Things*, 100 (February), 42.

²² Щипков, Д.А. (2004)., 191-194

всеобъемлющий метанарратив — христианское мировоззрение, претендующее на универсальную применимость. Для некоторых это выглядит как внутреннее противоречие: отрицая «глобальное» в одном виде, радикальная ортодоксия, по сути, предлагает другую форму глобализма, только в богословском ключе. Подобная стратегия легко воспринимается как неосознанное воспроизведение аналогичного глобалистского проекта, основания которого она критикует.

Одной из ключевых ценностей радикальной ортодоксии является «евхаристическая общинность» — тесные локальные связи, формируемые вокруг литургической жизни. Однако при этом в риторике авторов радикальной ортодоксии прослеживается устремлённость к универсальной трансформации общества и культуры на глобальном уровне. Возникает напряжение между локальным укоренением и универсалистскими притязаниями. Некоторые богословы²³ задаются вопросом: возможно ли одновременно продвигать идеал малых, укоренённых общин и претендовать на переустройство мировой культурно-политической системы? Д. А. Щипков также указывает, что эта двойственность может быть источником стратегической неопределённости Д. Милбанка и его сторонников²⁴.

Наконец, критику вызывает стиль аргументации. Д. Милбанк часто пишет в жанре масштабных утверждений, минимально взаимодействуя с эмпирическими данными социальных наук. Это создаёт впечатление методологической замкнутости и делает движение уязвимым для обвинений в «богословском идеализме»²⁵. Более того, критики считают, что, отвергая секулярные дисциплины как «еретические», радикальная ортодоксия рискует утратить возможность плодотворного диалога с академическим сообществом вне богословских кругов, да и вообще потерять связь с реальностью.

Таким образом, критика радикальной ортодоксии фокусируется на трёх уровнях: (1) способ чтения и присвоения традиции; (2) напряжение между локальной общинностью и универсалистскими амбициями; (3) методологическая и коммуникативная закрытость.

Наличие многочисленных и развёрнутых критических работ свидетельствует о пристальном внимании множества интеллектуалов к проекту радикальной ортодоксии. На то есть несколько причин.

Д. Милбанк и его коллеги проделали значительную интеллектуальную работу, создав богословскую систему, охватывающую все значительные сферы жизни современного общества. Критики справедливо отмечают внутренние противоречия этой системы, однако сама попытка построения христианского метанарратива актуального для XXI в. заслуживает внимания, поскольку за последние 70 лет ничего сопоставимого предложено не было.

Современная культурная среда демонстрирует явный запрос на целостные мировоззренческие системы, способные ясно ответить на экзистенциальные и этические вопросы. Эта тенденция проявляется и в массовой культуре, и на интеллектуальном уровне. Все больше просмотров на YouTube набирают видео, отстаивающих христианское видение мира²⁶. Все больше интеллектуалов

²³ Rowland, T. (2003). *Culture and the Thomist Tradition: After Vatican II*. London: Routledge.

²⁴ Щипков, Д.А. (2004)., 198-201.

²⁵ Ward, G. (2017). Radical orthodoxy: it's ecumenical vision. *Acta Theologica*, 39.

²⁶ Об этом свидетельствует появление известных американских уличных проповедников Стюарта и Клифа Кнехтл на подкасте *Impulsive*: видео набрало более 3 млн просмотров за месяц. Джо Роган, один из самых популярных подкастеров США последовательно приглашал к себе в студию

обращаются как христианскому дискурсу, так и к библейским сюжетам: ярким примером служит Джордан Питерсон, посвятивший целый цикл лекций и дискуссий библейским сюжетам и написавший книгу «We Who Wrestle With God»²⁷, ставшую бестселлером по версии New York Times. Эти явления свидетельствуют: в условиях кризиса фрагментированного постмодернистского мышления аудитория ищет цельное видение мира, объединяющее смысл, мораль и жизненные ориентиры.

Радикальная ортодоксия органично вписывается в этот тренд, но действует на уровне. Если приведённые примеры фиксируют массовый интерес к религиозным сюжетам, то радикальная ортодоксия предлагает комплексный богословско-философский проект, претендующий на переустройство всех сфер жизни в свете христианской теологии. Это движение адресовано не столько массовой аудитории, сколько академическому, культурному и церковному интеллектуальному сообществу, однако их запросы происходят из одного корня: стремления выйти за пределы ценностного релятивизма и моральной неопределённости.

Радикальная ортодоксия более или менее удачно выражает потребность христианства²⁸ в реактуализации собственного послания, видения мира и программы действий. Секулярная эпоха представляла религию как бесполезный рудимент прошлых эпох, постсекулярная эпоха, в свою очередь, провозглашает религию как своеобразное форму идеологии, носители которой могут действовать в соответствии со своими убеждениями до тех пор, пока это не станет причиной социального или идейного конфликта, т.е. не создаст дискомфорт для кого-либо. Ни та, ни другая позиция не может устроить последовательных христиан. Радикальная ортодоксия в свою очередь предлагает четкую теологически обоснованную антисекулярную позицию, что привлекает внимание христианских интеллектуалов.

Таким образом, радикальная ортодоксия — это одновременно и критика христианского модернизма, и попытка предложить его альтернативу, построенную на возвращении к истокам и их творческом переосмыслении. Модернизм, в его историческом смысле, возник как реакция Церкви на изменившуюся социально-культурную среду, как попытка адаптации вероучения, богослужения и миссии к условиям современности, чтобы заново сделать христианскую проповедь понятной и значимой. Радикальная ортодоксия, хотя и критикует модернистский проект, на структурном уровне продолжает ту же самую линию — поиск ответов на вызовы эпохи через обновлённое, но укоренённое в традиции богословие. Различие в том, что модернизм шел по пути диалога и частичной рецепции идей современности, а радикальная ортодоксия выбирает путь «онтологической реконструкции» — переосмысления самой картины мира, из которой секулярность изначально исключена.

Заключение

Таким образом, популярность радикальной ортодоксии объясняется не только её богословской изощрённостью, но и тем, что она представляет собой

библеиста Уэсли Хаффа и режиссера Мэла Гибсона, обсуждая с ними христианские и библейские сюжеты. Видео собрали по 7 и 11 млн просмотров.

²⁷ Peterson, J. (2024). *We who wrestle with God: perceptions of the divine*. Random House Penguin, 576 p.

²⁸В данном случае речь идет о представителях практически всех конфессий исторического христианства.

интеллектуально элитарный вариант более общего культурного движения к целостности и смыслу. В условиях, когда секулярный глобализм всё менее способен предложить убедительные моральные и экзистенциальные ориентиры, а церковный модернизм воспринимается частью общества как излишне приспособленческий, радикальная ортодоксия предлагает радикально цельную, «несекюлярную» альтернативу. Этот проект, каким бы спорным он ни был, оказывается симптомом того, что в XXI в. запрос на целостное мировоззрение, соединяющие веру, разум и социальную практику, становится одним из определяющих факторов в развитии религиозной мысли.

Литература/References

1. Milbank, J. (2013). Christianity will be revived only if it strives to rethink everything in a Christian way. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 3(31), 285-290. (In Russ.) Милбанк Д. (2013). «Христианство возродится только в том случае, если будет стараться все заново переосмыслить по-христиански...» *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 3 (31), 285-290.
2. Cavanaugh, W.T. (1999). The World in a Wafer: A Geography of the Eucharist as Resistance to Globalization. *Modern Theology*, 15(4), 181–203. doi:10.1111/1468-0025.00093.
3. Hemming, L.P. (2004). Analogia non Entis sed Entitatis: The Ontological Consequences of the Doctrine of Analogy. *International Journal of Systematic Theology*, 6(2), 118–128. doi:10.1111/j.1468-2400.2004.00124.x.
4. Milbank, J. (1990). *Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason*. Blackwell Publishing, 488 p.
5. Milbank, J. (2003). *Being Reconciled. Ontology and Pardon*. Routledge Taylor & Francis Group, 94 p.
6. Milbank, J. (1997). *The Word Made Strange: Theology, Language and Culture*. Wiley-Blackwell.
7. Peterson, J. (2024). *We Who Wrestle with God: Perceptions of the Divine*. Random House Penguin, 576 p.
8. Pickstock, C. (1997). *After Writing: On the Liturgical Consummation of Philosophy*. Malden, Mass.: Wiley-Blackwell.
9. Radical Orthodoxy: A New Theology. Ed(s). John Milbank, Catherine Pickstock, Graham Ward. Routledge Taylor & Francis Group, 1999. 300 p. doi:10.4324/9780203046197.
10. Stutzman, J. (2007). Radical Orthodoxy: A Select Bibliography. https://www.academia.edu/69285308/Radical_Orthodoxy_A_Select_Bibliography
11. Reno, R.R. (2000). "The Radical Orthodoxy Project." *First Things*, 100 (February), 42 p.
12. Rowland, T. (2003). *Culture and the Thomist Tradition: After Vatican II*. London: Routledge.
13. Ward, G. (2017). Radical Orthodoxy: Its Ecumenical Vision, *Acta Theologica*, 39.